

Однак вже наприкінці 20—на початку 30-х рр. XX ст. ми спостерігаємо негативне ставлення владних структур до організацій і установ, що сповідували національні пріоритети. Тиск здійснювався і на різні краєзнавчі організації. У таких умовах не міг існувати орган, який би очолював і скеровував краєзнавчий рух. Замість різнопланової краєзнавчої роботи Комітет занадто багато уваги приділяв проблемі гуртування краєзнавчих сил і виробничому ухилу.

Не дивлячись на те, що УКК за об'єктивних і суб'єктивних умов так і не зумів виконати всіх покладених на нього завдань, його роль у загальному піднесенні краєзнавчого руху безперечна.

Внаслідок цього можна зробити висновок, що організаційний розвиток краєзнавства не був спонтанним процесом. Це суспільний рух, що постав на ґрунті громадської ініціативи. Однак зростаючі тенденції централізації й бюрократизації суспільного життя негативно позначилися на стані історико-краєзнавчих досліджень. У кінці 20-х рр. XX ст. посилюється прагнення до відвертої ідеологізації роботи краєзнавців, особливо у сфері освіти, намагання централізувати краєзнавчий рух і звести його до задоволення народногосподарських потреб. Активна громадська й наукова діяльність краєзнавців суперечила інтересам тоталітарного режиму. У цих умовах на початку 30-х рр. XX ст. більшість наукових і громадських краєзнавчих установ перестали діяти.

Література

1. Савчук В. О. Зауваги до дискусії про становлення організаційних структур краєзнавчого руху України середини 20-х рр. XX ст. // Краєзнавство. — 2000. — № 1–4.
2. Оболенская С. В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей. — М., 1990.
3. Тронько П. Т. Історичне краєзнавство: крок у нове тисячоліття (Досвід. Проблеми. Перспективи.). — К., 2000.
4. Очеретянюк В. І. Здобутки і втрати українського краєзнавства в 20–30-і роки XX ст. // Туристично-краєзнавчі дослідження. — Вип. 1. — Ч. 2. Матер. III Всеукр. наук.-практ. конференції «Туризм в Україні: економіка і культура» (Світазь — 9–10 вересня 1998). — Світазь, 1998.
5. Лобода А. М. Краєзнавство на Україні // Бюлетень комісії краєзнавства. — 1925. — Ч. 2.
6. Державний архів Харківської області.
7. Кілька пунктів з резолюції з їзду в справах дослідження виробничих сил та народного господарства України (Харків, 1924) // Бюлетень НКО. — 1925. — № 2.
8. Державний архів Харківської області.

9. Тронько П. Т. Краєзнавство незалежної України: на часі нові завдання // Краєзнавство. — 2001. — № 1–4.
10. Тронько П. Т. Краєзнавство у відродженні духовності та культури. — К., 1994.
11. Бездрабко В. В. Дослід історіографії з актуальних питань краєзнавчої педагогіки // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Х., 1998.
12. Краєзнавство. — 1929. — № 6–10.
13. Богдашина О. М. Діяльність Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури ім. Д. І. Багалія (1921–1934 рр.): Дис. ... канд. іст. наук. — Х., 1993.

Резюме

Кашаба О. Ю. *Организация исследований по историческому краеведению в Украине (20–30-е гг. XX в.).*

В статье автором поставлена задача показать процесс организации исследований по историческому краеведению в Украине в 20–30-е гг. XX в. и выделить основные причины, вызывающие интерес к истории родного края. Анализ основных направлений исследования родного края в 20-х гг. XX в., научных и практических результатов этой работы показывает, что указанный период был одним из важнейших этапов в развитии украинского краеведения. Именно в этот период отмечается развитие разных форм краеведческого движения — академической и общественной. Организационным и научно-методическим центром краеведческого движения становится Украинский комитет краеведения.

А. П. Мартемьянов

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ФРАКИИ И НИЖНЕЙ МЕЗИИ в первых веках н. э. В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Характерной чертой исторического развития фракийских земель в первых веках н.э. являлось наличие там, особенно в сельской местности, унаследованных от более раннего времени прочных общинных традиций. Именно устойчивость общинных структур во многом обусловила специфику восточнобалканских провинций Рима. Поэтому изучению истории общинных отношений крестьянства, определению их места в социальной организации населения Фракии и Нижней Мезии традиционно уделяется существенное внимание. Весомый вклад в разработку этой проблематики внесли, наряду с болгарскими, румынскими и польскими учеными, российские антиковеды. Однако до настоящего

времени этот вклад не получил оценки в научной литературе и, более того, создается впечатление, что многие работы российских исследователей остаются неизвестными зарубежным специалистам. В данной статье предпринимается попытка представить взгляды российских ученых на проблемы истории сельского населения фракийских земель в первых веках н. э., а также проанализировать некоторые положения их работ с учетом данных имеющихся источников.

Устойчивый интерес советских антиковедов, основную часть которых составляли российские ученые, к истории фракийских земель формируется достаточно рано — уже в 40-е годы прошлого столетия. Характерно, что хотя их работы того времени посвящены преимущественно проблемам военного присутствия Рима в восточнобалканских провинциях [1, с. 71–78; 2, с. 256–266; 3, с. 145–230], в них затрагиваются и вопросы, так или иначе связанные с положением сельского населения Фракии и Нижней Мезии.

В опубликованной в 1946 г. статье «Этнический и социальный состав римского войска на Дунае» Е. М. Штаерман обращает внимание на то, что в составе размещавшихся на территории Нижней Мезии I Итальянского и XI Клавдиева легионов в III в. н. э. «появляется значительное число солдат, носящих местные фракийские имена» [2, с. 257], приходит к выводу о том, что «в III в. дунайская армия вербует уже не из местных и азиатских городов, как во II в., а из сельских местностей» [2, с. 261], отмечает, что она «в III в. была тесно связана с свободным земледельческим населением» [2, с. 265]. Такое положение дел исследовательница объясняет тем, «что, по всей видимости, в Дунайских провинциях более, чем в других, сохранялось мелкое свободное землевладение... свободная сельская община. Эти свободные крестьяне, несомненно, представляли наиболее благодарный материал для армии» [2, с. 265]¹.

Об особой роли сумевшего «сохранить свою самобытность» сельского населения фракийских земель в пополнении римских воинских контингентов говорит и О. В. Кудрявцев в работе «Дунайские легионы и их значение в истории Римской империи (II в. н. э.)», написанной в 1946 г. как часть задуманной им, но оставшейся незаконченной монографии «Фракия, Дакия и Месия» [3, с. 8–9]. По мнению автора, «грубый образ жизни фракийского крестьянина в постоянной борьбе с природой, само «варварство» фракийцев... делали их незаменимыми воинами, на редкость выносливыми и боеспособными» [3, с. 211]. Характерным признаком социального устройства фракийских племен О. В. Кудрявцев считает

¹ Показательно, что основные положения этой ранней статьи Е. М. Штаерман включила и в одну из последних своих работ — написанный ею для вышедшего в 1988 г. первого тома «Истории Европы с древнейших времен до наших дней» раздел «Расцвет рабовладельческих отношений в эпоху Империи» [4, с. 579–584].

существование у них «до римского завоевания первобытно-общинных порядков» [3, с. 148–149]. Подтверждение этому он видит в известном описании жизни северофракийского племени гетов Горацием (Сарм., III, 24, 9–16). Особого внимания заслуживает комментарий О. В. Кудрявцева к этому фрагменту [3, с. 148–149]. Анализируя содержащуюся в словах Горация информацию, ученый, по сути, первым из советских антиковедов, обращается к вопросу о ее научной ценности, породившему еще в XIX в. дискуссию [см.: 5, с. 52–53; 6, с. 14], не завершенную по сей день. Ввиду того, что мнение О. В. Кудрявцева по этому поводу не нашло отражения в научной литературе по истории фракийских земель, приведем его суть.

Предложенный О. В. Кудрявцевым перевод отрывка из оды Горация выглядит следующим образом:

9. «Campestres melius Scythae ...	9. «Лучше скифов, сынов степей...
11. vivunt et rigidi Getae,	11. Или гетов суровых жизнь:
12. immetata quibus iugera liberas	12. Ведь с немерянных нив вольный свободно им
13. fruges et Cererem ferunt,	13. Плод и Цереры дар идет,
14. nec cultura placet longior annua,	14. Там работы в полях долее года нет,
15. defunctumque laboribus	15. И, когда завершился труд,
16. aequali recreat sorte vicarius»	16. Равный жребий дает свежую смену вновь».

Представленная поэтом картина жизни гетов свидетельствует, по мнению ученого, о присущей стихотворению «идеализации, которой литература развитого и изъеденного противоречиями античного общества окрашивала жизнь первобытных людей, безгрешных детей природы». «Суровые геты, — пишет О. В. Кудрявцев, — живут, в изображении Горация, в каком-то «золотом веке»: *немерянные поля почти без всякого труда* приносят им плоды и хлеб» (курсив мой — А. М.). Заметим, правда, что такое толкование исследователем слов Горация в значительной мере основывается на его весьма вольном поэтическом переводе фрагмента, в особенности 12-й строки оды. В частности, прилагательное «immetatus» О. В. Кудрявцев трактует как «немерянный», что создает ощущение прежде всего беспредельности гетских полей. Однако смысл, заключенный в 16-й строке, побуждает отдать предпочтение более традиционному переводу этого слова — «неразмещенный» [7, с. 376; ср.: 5, с. 52; 8, с. 164 и др.], и, соответственно, отнести его к характеристике бытовавшей у гетов собственности на землю. Необоснованным представляется и добавление О. В. Кудрявцевым при переводе 12-й и 13-й строк к оригинальному тексту слова «свободно», а ведь только оно «свидетельствует» о том, что геты получали урожай «почти без всякого труда».

Обращаясь к вопросу о том, насколько можно доверять сведениям Горация о гетах, О. В. Кудрявцев отмечает: «Замена одного землевладельца другим по жребии представляет собой, по-видимому, отражение реальных порядков... истолкованное Горацием или, вернее, его источником по-своему: систематическое перераспределение земли по жребию в сельской общине превращается в соответствующую замену одного землевладельца другим... Автор, послуживший источником для Горация, был, видимо, знаком с реальными отношениями, существовавшими во фракийской деревне... Притом несомненно, что отразившиеся у римского поэта фракийские аграрные отношения отделены от времен Горация, по всей вероятности, несколькими столетиями».

Таким образом, определяя научную значимость сообщения Горация о гетах, О. В. Кудрявцев разделяет мнение Г. Точилеску [9, р. 731–734], Г. Кацарова [10, S. 43–45] и других ученых об идеализации поэтом их образа жизни, но при этом, подобно М. И. Ростовцеву [11, S. 339–340, Anm. 79], полагает, что эти сведения вполне могут соответствовать реальным условиям фракийских земель, существовавшим, однако, задолго до завоевания их римлянами.

Отличительной чертой административно-территориальной организации римской Фракии О. В. Кудрявцев считает наличие там, наряду с городскими территориями, сельских местностей, лишенных городов. В этом отношении провинция напоминает ему Каппадокию и, в известной мере, Македонию, где города также «не играли той исключительной роли, как это было в коренных областях античного мира» [12, с. 306–307]. Примечательной особенностью жизни фракийского крестьянства в первых веках н. э., по мнению исследователя, было сохранение пережитков первобытнообщинного строя, сведения о которых содержит, в частности, прошение, направленное в 238 г. н. э. императору Гордиану жителями села Скаптопара, находившегося на землях города Пауталия (IGBR, IV, № 2236; V, № 5872). Несомненно, осознавая важность этого источника, О. В. Кудрявцев первым из советских историков приводит собственный перевод половины греческой части надписи (строки 22–99) [3, с. 218–219], подчеркивает, что весь ее контекст «не оставляет сомнения в наличии сельской общины», «совместного общинного владения землей» [3, с. 148]. В принципе, такой вывод представляется вполне допустимым, но создается впечатление, что автор, воспринимая общинное землевладение прежде всего как пережиток родового строя, не усматривает особой разницы между кровнородственной и сельской общиной. Между тем, нормальное функционирование мелкого крестьянского хозяйства невозможно без наличия угодий, находящихся в общем пользовании сельчан, и это определяет существование общинных отношений и в гораздо более поздние времена,

чем первобытные. Именно «дуализм частной собственности на крестьянский двор, скот и т. п. и более или менее выраженных тенденций общей собственности на землю» [13, с. 110; *ср.*: 14, с. 5–7] принято считать одной из важнейших характеристик сельской, или соседской, территориальной общины. Сам текст прошения, на наш взгляд, не дает оснований видеть в Скаптопаре село, которому были свойственны архаичные черты. Преторианец Аврелий Пурр, через которого скаптопаренцы передали петицию императору, действительно упоминается в надписи как их односельчанин (*convicanus*) и совладелец (*compossessor*). Однако, как показывают исследования, термин *compossessores* вряд ли имел отношение к владению именно общинными землями — скорее, им обозначались владельцы частных имений [15, с. 91] или крестьяне, владевшие государственной землей [6, с. 124, заб. 502]. Вместе с тем, из надписи следует, что Скаптопара была расположена между двумя военными лагерями, в оживленной местности. В окрестностях села находились целебные воды, пользовавшиеся популярностью даже среди высших лиц провинциальной администрации. Жители села неоднократно принимали у себя правителей провинции и императорских прокураторов. В двух милях от Скаптопары ежегодно проводились собиравшие множество людей ярмарки [IGBR, IV, р. 213; 16, с. 54–60]. Скаптопаренцы были вовлечены в орбиту действия фискальной политики Рима, служили в римской армии. Трудно представить, чтобы в III в. н. э. село, долгое время существовавшее в таких условиях, могло нести на себе заметный отпечаток родовых отношений.

Небольшой раздел, специально посвященный Фракии, содержит опубликованная в 1949 г. книга А. Б. Рановича «Восточные провинции Римской империи в I–III вв.» [17, с. 242–250]. Автор отмечает, что римляне не стремились стимулировать городскую жизнь в этой провинции, и в первых веках н. э. она оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной. Источники, по словам А. Б. Рановича, освещают социально-экономическую историю римской Фракии, особенно в I–II вв., очень скудно, поэтому она может быть восстановлена «лишь в самых общих чертах» [17, с. 244–245]. Характеризуя сельскую жизнь фракийских земель в первых веках н. э., исследователь ограничивается ссылкой менее чем на десять надписей. Разумеется, воссоздать на такой основе более или менее цельную картину аграрного развития невозможно. Тем не менее, именно А. Б. Ранович впервые в советской историографии отметил существование во Фракии комархий, наличие у сел четко определенной территории [17, с. 246–248]. Касаясь вопроса о положении фракийского крестьянства в римское время, он обращается к ранее не переводившемуся на русский язык эдикту императорского легата о создании на землях города Августа Траяна эмпория Пидзос (IGBR, III/2/, № 1690;

V, № 5601). Из содержания этого документа, в частности, следует, что к числу повинностей сельского населения относились снабжение продовольствием городов, несение пограничной службы, ангарии [17, с. 246–247]. Наряду с этим, А. Б. Ранович, как и О. В. Кудрявцев, приводит свой перевод надписи из Скаптопары, сообщающей, что жители села были обязаны «платить священные подати и вносить прочие платежи», содержать прибывавших к ним представителей властей, страдали от вымогательств солдат и других незваных гостей. Заслуживает внимания и замечание автора, что уход из родных мест, которым угрожали властям скаптопаренцы, видимо, был в то время достаточно распространенным явлением, наблюдавшимся также, например, в Египте [17, с. 248–249].

В 1951 г. выходит книга Т. Д. Златковской «Мезия в I и II веках нашей эры» [18], по сей день остающаяся единственным в российской историографии монографическим исследованием по истории восточнобалканских земель в римское время. В отличие от своих предшественников, автор широко использует результаты исследований болгарских и румынских антиковедов, привлекает, наряду со свидетельствами нарративных и эпиграфических источников, нумизматические и археологические материалы. Благодаря этому многие положения монографии выглядят достаточно обоснованными и сохраняют научную актуальность вплоть до настоящего времени. Можно лишь сожалеть, что круг источников, которыми располагала исследовательница по ряду вопросов, был сравнительно ограниченным. В частности, судить о сельской жизни Нижней Мезии ей приходилось почти исключительно по данным надписей из сел Малой Скифии (совр. Добруджа). Основываясь на их содержании, Т. Д. Златковская приходит к следующим выводам.

Во II в. н. э. основная часть населения Нижней Мезии проживала в деревнях и селах, многие из которых располагали самоуправлением. В этническом и социальном отношении сельское население было неоднородным. Оно состояло из фракийцев, не имевших римского гражданства, ветеранов римской армии, а также невоенных римских граждан. Надписи из vicus Quintionis (ISM, I, № 325, 326, 328, 330–332) свидетельствуют о том, что фракийцы привлекались к участию в сельском управлении. Однако, отмечает Т. Д. Златковская, «никогда процесс романизации в Мезии не заходил настолько глубоко, чтобы стерлась грань между римлянами по происхождению... и фракийцами... За два века римского хозяйничанья на нижнем Дунае не произошло слияния фракийцы и римлян: фракийцы продолжали составлять отдельную и самостоятельно державшуюся часть населения провинции» [18, с. 106–108]. Характерной чертой аграрного развития Нижней Мезии в исследуемый период было распространение частной собственно-

сти на землю. На это указывают надписи, сообщающие о проживавших после отставки в собственных имениях ветеранов и о наследовании земли. Однако общинное землевладение продолжало существовать, что подтверждается, в частности, известной надписью рубежа II–III вв. об установлении границ между частным владением и землями села Бутеридава (CIL, III, № 14447 = ISM, I, № 359). Таким образом, включает исследовательница, можно говорить «о сочетании частной и общинной формы земельных владений на территории Нижней Мезии во II в. н. э.» [18, с. 86–87].

Проблемы истории сельского населения римской Фракии затрагиваются Т. Д. Златковской в другой монографии — «Возникновение государства у фракийцев» [15]. Хотя книга посвящена гораздо более раннему времени, автор привлекает и свидетельства о положении фракийского крестьянства в первых веках н. э., справедливо усматривая в них доказательство «необычайной устойчивости крестьянского хозяйства, основанного на труде самих земледельцев». «Сельский облик страны, — полагает исследовательница, — повлиял и на административное устройство римской Фракии». В начальный период римского господства там были сохранены *territoria*, центрами которых были не города, а села². Впоследствии же, когда в результате урбанизации фракийских земель села оказались подчинены в административном, финансовом и судебном отношении городам, они, тем не менее, сохранили собственную, четко отграниченную от соседних владений территорию [15, с. 134–136]. Многочисленные надписи, свидетельствующие о границах полей, которыми владели сельские общины, о широком распространении у фракийцев племенных и сельских культов, а также совместные посвящения происходивших из фракийских сел солдат — все это, отмечает Т. Д. Златковская, говорит о сохранении во Фракии в первых веках н. э. чрезвычайно прочных общинных отношений [15, с. 90–92].

В обеих монографиях Т. Д. Златковская уделяет внимание упоминавшемуся отрывку из оды Горация как свидетельству существования общинных отношений на рубеже н. э. у гетов [15, с. 90; 18, с. 20]. Придавая большое значение этому фрагменту, она отводит его анализу специальное место в работе «К вопросу об общинном землевладении в период становления классового общества (По фракийским материалам)» [5, с. 52–54]. Не располагая возможностью подробно рассмотреть

² В подтверждение положения о «крестьянском характере» римской Фракии Т. Д. Златковская приводит эпиграфические данные о существовании нескольких десятков сел на землях только таких городов, как Пауталия, Августа Траяна и Филиппополь [15, с. 136, прим. 198]. Не совсем, правда, ясно, почему *руководителей* ком и комархий исследовательница называет *кометами*.

в рамках данной статьи авторскую аргументацию основных положений интересующей нас части этого исследования, ограничимся изложением их сути. Т. Д. Златковская считает возможным отнестись с доверием к информации Горация, который, как ей представляется, «больше чем кто бы то ни было, находился в курсе гетских социальных взаимоотношений». По мнению исследовательницы, употребленное в 12-й строке оды «выражение «неразмежеванные участки земли» (*immetata iugera*) указывает на общинную форму землепользования, сохранение неподеленной между членами общины пахотной земли». Содержание же 14–16-й строк³ дает возможность предположить существование у гетов ежегодных земельных переделов по жребию, что означало «выделение из общинного фонда пахотной земли участков во временное пользование отдельных семей». Таким образом, заключает Т. Д. Златковская, «ода Горация как будто говорит о существовании у фракийцев-гетов на рубеже нашей эры двух видов общинных угодий: угодия первого вида не подвергались разделу между членами общины и обрабатывались ими сообща, угодия же второго вида разделу подвергались». Заметим, что, на наш взгляд, сообщение Горация вряд ли может рассматриваться как надежное свидетельство об аграрных отношениях у гетов: слишком зыбкой является основа для рассуждений об осведомленности поэта в «гетском вопросе», а художественный текст допускает возможность различной интерпретации содержащейся в нем информации. Однако скрупулезность и профессионализм предпринятого Т. Д. Златковской анализа наглядно демонстрируют те научные достоинства, которые присущи ее работам.

Другой российской исследовательницей, чьи труды нашли отклик среди специалистов по истории Фракии и Нижней Мезии, является Е. М. Штаерман. Она не оставила работ, специально посвященных этим провинциям, но в своих исследованиях часто использовала фракийские материалы, рецензировала книги болгарских ученых.

Е. М. Штаерман подчеркивает, что связанные с римским завоеванием изменения в аграрных отношениях не оказали существенного влияния на положение сельского населения фракийских земель, которое «могло сохранить свое прежнее устройство и управляться своими выборными магистратами» [19, с. 31–32]. Отличительной чертой исторического развития восточнобалканских провинций Рима исследовательница считает наличие там устойчивой сельской, или территориальной, общины. Подтверждение этому она усматривает в чрезвычайно

³ Т. Д. Златковская переводит их так: «...и нежелательно (неудобно) возделывать поле более года; когда же покончено с трудами, заменяющий (*vicarius*) обновляет равную долю» [5, с. 54].

тесных связях односельчан, причем не только приживавших в самой Фракии, но и служивших преторианцами в Риме [19, с. 44; 20, с. 38]. О прочных общинных связях крестьян свидетельствует и широкая популярность во фракийских землях культов божеств, считавшихся хранителями сел, о чем свидетельствуют их эпитеты, производные от названий этих поселений [19, с. 174–175; 20, с. 38–39]. Наконец, по мнению Е. М. Штаерман, фракийские крестьяне могли нести коллективную ответственность за выполнение возложенных на их села повинностей. Основанием для такого предположения послужила петиция на имя Антонина Пия, поданная жителями «территории дагов» в окрестностях западнопонтийского города Истрия. Исследовательница принимает реконструкцию поврежденного текста этой надписи, предложенную опубликовавшим ее Й. Стояном [21, р. 144]. В соответствии с ней, податели прошения именуют себя «литургами»⁴, т. е. людьми, связанными круговой порукой [19, с. 44; 22, с. 229]. Однако, отмечая общинный характер сельских объединений, Е. М. Штаерман, вместе с тем, выступает против преувеличения замкнутости фракийских общин в первых веках н. э., когда на их землях оседают в качестве посессоров ветераны и другие римские граждане. «Появление собственников земли на территории общины, — пишет исследовательница, — не могло ее не подрывать, особенно в те поздние периоды, когда ветераны стали получать земли в основном уже не в городах, а в селах, где складывается новый слой землевладельцев, отличный от старой знати» [23, с. 223].

В 60–70-е гг. XX в. ряд проблем истории римской Фракии разрабатывался Н. Ф. Мурыгиной, посвятившей одну из своих статей фракийской общине первых веков н. э. [24, с. 135–158]. По справедливому утверждению автора, распространение античной формы собственности в восточнобалканских землях не означало полной ликвидации доримских форм организации сельской территории. И во II, и в начале III в. н. э. во Фракии сохранялось общинное землевладение, причем именно община оставалась основной ячейкой социально-экономической и административной структуры провинции. Н. Ф. Мурыгина отмечает неодинаковый характер общины во Фракии и Мезии, говорит о различии в положении общин, находившихся на землях городов, и населения независимых сел. Однако, к сожалению, конкретных подтверждений этому в данных источниках она, по существу, не приводит [с. 25].

Создается впечатление, что начиная с 70-х годов прошлого века российские ученые утрачивают интерес к проблемам аграрного развития Фракии и Нижней Мезии. Возможно, одна из причин этого заключается

⁴ Иной вариант восстановления несохранившейся начальной части этого слова предлагает Б. Геров, считающий, что крестьяне, скорее, называли себя «аутургами» — «людьми, которые сами обрабатывают свои парцеллы земли» [6, с. 136, заб. 15].

в том, что изучавшийся долгое время антиковедами разных стран вопрос о фракийской общине стал казаться достаточно хорошо изученным, не вызывающим уже разногласий [26, с. 94, 143]. Так или иначе, за последние десятилетия в России не вышло ни одной работы, где истории сельского населения восточнобалканских провинций Рима уделялось бы заметное внимание. Единственным в этом отношении исключением является опубликованная в 1998 г. монография Е. С. Голубцовой «Община, племя, народность в античную эпоху», в которой автор, исследуя вопрос о сельской общине, неоднократно обращается к фракийским материалам первых веков н. э. [26, с. 137–138, 141–145, 198–199].

Подводя итог, отметим, что российские антиковеды, особенно в 50–60-е гг. XX в., весьма активно разрабатывали проблемы истории сельского населения Фракии и Нижней Мезии. Основываясь на данных анализа различного рода исторических источников, свидетельствующих о прочных позициях во фракийских землях в первых веках н. э. сельской общины, они изучали административно-территориальное устройство сельских территорий и аграрные отношения на их землях, сельское самоуправление, этнический и социальный состав жителей сел, их экономическое и социальное положение, религиозные представления. Многие выводы российских ученых по этим вопросам выглядят надежно аргументированными, соответствующими современным научным представлениям, поэтому их вклад в исследование сельской жизни восточнобалканских провинций Рима представляется достаточно весомым.

Литература

1. Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. — 1940. — № 3–4.
2. Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. — 1946. — № 3.
3. Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. — М., 1957.
4. История Европы. Т. 1. Древняя Европа. — М., 1988.
5. Златковская Т. Д. К вопросу об общинном землевладении в период становления классового общества (По фракийским материалам) // СЭ. — 1970. — № 5.
6. Геров Б. Земевладението в римска Тракия и Мизия (I–III в.) // Годишник на Софийския университет. Факултет по класически и нови филологии. — 1977 (Вых. 1980). — Т. 72. — Кн. 2.
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — М., 1986.

8. *К богачу* / Пер. Г. Церетели // Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. — М., 1970.
9. *Tocilescu Gr.* Dacia înainte de romani. — București, 1880.
10. *Kazarow G.* Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker. — Sarajevo, 1916.
11. *Rostovtzeff M.* Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. — Leipzig, 1929. — Bd. 1.
12. Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. — М., 1954.
13. Першиц А. И., Трайде Д. Община // Социально-экономические отношения и соционормативная культура / Отв. ред. А. И. Першиц и Д. Трайде. — М., 1986.
14. Голубцова Е. С. К. Маркс о роли общины в древнем мире // ВДИ. — 1983. — № 3.
15. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. — М., 1971.
16. Димитров Д. Й. Тракийско светилище и панаир край Скаптопара // Векове. — 1988. — Кн. 5.
17. Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. — М.; Л., 1949.
18. Златковская Т. Д. Мезия в I и II веках нашей эры. — М., 1951.
19. Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов в Римской империи. — М., 1961.
20. Штаерман Е. М. Древний Рим: Проблемы экономического развития. — М., 1978.
21. *Stoian J.* O inscripție inedită din Histria // SCIV. — 1951. — Nr. 2.
22. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.
23. Штаерман Е. М. Две новые работы по социально-экономической истории Фракии // ВДИ. — 1971. — № 4.
24. Мурыгина Н. Ф. К вопросу о развитии фракийской общины в I–II вв. н. э. // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. — 1969. — № 294.
25. Мартеньянов А. П. Сельская община во фракийских землях в первых веках н. э.: Итоги и перспективы изучения // Древности 2005 (В печати).
26. Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. — М., 1998.

Резюме

Мартеньянов О. П. Проблеми історії сільського населення Фракії та Нижньої Мезії в перших століттях н. е. в російській історіографії радянського часу

У статті розглянуто погляди на проблеми історії селянства східнобалканських провінцій Риму О. В. Кудрявцева, Т. Д. Златковської, О. М. Штаерман і деяких інших російських науковців. Ґрунтуючись на

даних різноманітних історичних джерел, які свідчать про тривкі позиції у Фракції та Нижній Мезії сільської общини, ці фахівці досліджували адміністративно-територіальний устрій сільських територій і аграрні відносини на їх землях, сільське самоврядування, етнічний і соціальний склад селян, їх економічне та соціальне становище, релігійні погляди. На думку автора, багато висновків російських антикознавців із цих питань відповідають сучасним науковим уявленням, тому їх внесок у вивчення історії сільського життя фракійських земель у перших століттях н. е. можна вважати досить вагомим.

А. Ю. Парфиненко

НА ПУТИ К СОВЕТСКОМУ ВУЗУ. ОБРАЗ «ВРАГА» УКРАИНСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ 20–начала 30-х гг. XX в.

Сегодня высшая школа, как и вся система образования, не мыслима без классических университетов. За долгие годы их существования в нашей стране они стали своеобразным флагманом, определяющим развитие всей системы просвещения. Сосуществование под одной крышей разных факультетов предоставляло и предоставляет университету уникальную возможность — быть родоначальником новых научных направлений. В XIX в. большинство молодежи мечтало о том, чтобы попасть на учебу в университет, ведь выпускник классического университета практически всегда был востребован. В XX в. университет входит как мощный социальный институт, задающий темп развития не только науки и просвещения, но и существенно влияющий на инфраструктуру целых регионов. Однако революция и гражданская война, проходившие в Украине с особой ожесточенностью, резко изменили положение университетов. С окончательным закреплением в Украине советской власти целесообразность дальнейшей жизни университетов была поставлена под сомнение. Так, университет в Украине как форма организации высшей школы был ликвидирован. На смену ему пришли Институты народного образования (ИНО), вузы кардинально иного типа. Заметим, что Украина была единственной из республик Союза, прибегнувшая к таким мерам. Хотя, впрочем, ликвидация университетов стала лишь одним из звеньев реформы всей системы просвещения.

В советской историографии неоднократно рассматривались различные аспекты истории украинской системы просвещения 20-х гг. XX в. Значительное внимание уделялось изучению развития дошкольного и школьного образования. Хорошо освещены различные аспекты истории

профессионально-технической школы. Существуют публикации и по истории рабфаков. Что касается изучения организации высшей школы в Украине периода 20–начала 30-х гг. XX в., то она изучена хуже. Так, большинство советских исследований по этой теме тяготело к фактографичности и описательности. Характеристика учебных планов, работа методических комиссий, партийных и профсоюзных организаций — эти и подобные им проблемы стали центральными сюжетами ряда работ. Между тем такие важные, на наш взгляд, аспекты, как концептуальные основы функционирования украинских вузов, принципы их организации, наконец, причины отказа от университета и возвращения к нему как к форме организации высшей школы, в значительной мере остались вне поля зрения авторов. Известно, что советская историография оценивала процесс реформирования университетов по-разному. Однако при этом практически нигде не упоминается о том, что такие неожиданные, в принципе, меры украинских большевиков вызвали какое-либо общественное возмущение, вылились в протест профессуры и т. п. И было ли вообще такое негодование, или общество осознанно и добровольно поддержало такой шаг? Интересно, что эта тема не поднимается даже в современной украинской историографии, где сегодня так много сказано о самобытности и национальных традициях. В данном случае для того, чтобы проанализировать отношение общества к ликвидации в Украине университетов, обратимся к исследованию материалов публицистики.

Для начала необходимо сказать, что вопрос о «кризисе», о котором так рьяно заговорили реформаторы украинской высшей школы в 20-е гг. XX в., поднимался в обществе с попеременным успехом на протяжении всей истории существования университетов. Часто разговоры о «кризисе» имели педагогическую подоплеку, но нередко они были порождением политических страстей. И это неслучайно. Ведь именно университет наиболее приспособлен к тому, чтобы отделять «зерна от плевел», утверждать истинно новое и стоять стеной на пути ложному. В революционные годы, наполненные новаторскими идеями, университет как никто другой встал на защиту традиций, выступил за сохранение науки и образования.

Тезис о кризисе российских университетов конца XIX–начала XX вв., который неоднократно выдвигался на страницах периодики тех лет [см.: 1], был успешно подхвачен украинскими большевиками. Однако теперь размышления о «кризисе» вышли за рамки публицистических заметок и стали основой конкретных действий, направленных на его «преодоление». Характерно, что именно теперь разговоры о «кризисе» были подкреплены довольно весомыми аргументами с ярко выраженным политическим оттенком. Одним из таких наиболее значимых аргументов